

НИК аЛНеК

БеГ На МеСТе

16+

Ник Алнек
Бег на месте

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Алнек Н.

Бег на месте / Н. Алнек — «ЛитРес: Самиздат», 1990

Обыкновенный неудачник, предпочитающий жить с мамой, сидеть в кресле и смотреть фантастические сериалы, однажды выигрывает огромные деньги. Именно они приводят в размеренную жизнь героя: преследование, покушение, чуточку фантазийности и любовь.

Я не люблю выходные. Вернее, люблю, но только в тех случаях, когда меня не принуждают ходить по гостям, посещать магазины, парикмахерские или воскресные службы.

Моя мать Барбара не хочет этого понимать и продолжает таскать меня за собой, считая, что у меня дефицит общения. Я пытался объяснить ей, что комиксы или сериалы куда интереснее, чем пустые разговоры с многочисленными родственниками и знакомыми. Но она меня не слышит.

Недавно, подкрашивая губы ярко-красной помадой, она заявила:

– Ян, тебе пора обзавестись семьей и несколькими отпрысками. Я хочу увидеть своих внуков прежде, чем отправлюсь к праотцам.

Мама, мама... Ну как донести до тебя, что я не хочу жениться? Не говоря уже о том, чтобы обзавестись потомством. Я вообще не хочу им обзаводиться. Я не люблю детей – они меня раздражают. Особенно маленькие – вечно орущие, писающие и какающие существа, требующие внимания, когда тебе хочется спать; вопящие, когда хочется тишины; рыдающие, когда ты на них не реагируешь. Лично я не готов пожертвовать своим спокойствием ради сюсюканья Барбары над кроваткой младенца. Так и вижу это сцену: «Это кто у нас такой хороший? Это кто у нас такой красивый? А чьи эти ножки? А чьи эти ручки? А чей это животик? А это что у нас такое?» При этом будут коверкаться слова, издаваться странные звуки, понятные только ребенку.

Нет, я хочу быть один и, проходя мимо зеркала, видеть в нем себя: невзрачного, сутулящегося парня тридцати четырех лет; грызущего ногти; ничем не увлекающегося, если не считать все те же комиксы; работающего «цыпленком» за мизерные гроши при одной забегаловке. Что это за работа? Обыкновенная. При любой температуре вы натягиваете на себя костюм цыпленка и раздаете прохожим флаеры со скидками.

Я стою и покорно дожидаюсь, пока Барбара нахлобучит на свою голову пышный парик. На ее материнские стенания увидеть меня семейным человеком, я в очередной раз обещаю, что женюсь, как только найду для себя подходящую девушку.

– Интересно, что в твоём понимании «подходящая девушка»? – тут же цепляется к моим словам Барбара.

– Ну как сказать... Она должна уважать семейные ценности; быть милой и заботливой; уметь вести хозяйство и при этом не сидеть у мужа на шее.

Барбара, продолжая натягивать парик, внимательно смотрит на мое отражение в зеркале.

– Ян, сынок, ты бредишь. Нынче в природе такой просто не существует. Ты опоздал родиться лет этак на пятьсот. Не проще ли взять в жены хорошо воспитанную католичку?

– Мама, даже хорошо воспитанную католичку надо еще найти...

– А зачем далеко ходить? – оживает Барбара. – Возьми, к примеру, Ядвигу. Девушка хоть куда! Все при ней. И тебя дурочка любит...

Ядвига – симпатичная, чуть полноватая блондинка двадцати шести лет, учится на врача и подрабатывает сиделкой у парализованных больных. Ее отец Тадеуш Ковальский служит в полиции. Когда-то он был близким другом и напарником моего отца, погибшего двадцать лет назад – его подстрелил какой-то идиот. Во всяком случае, мне так сказали. А лет пять назад моя тетка Моника – сестра моей матери, проболталась, что отец скончался вовсе не от шальной пули, а задохнулся в машине от угарного газа в объятиях любовницы. Самое нелепое в этой истории то, что погибшая с ним женщина была женой его напарника.

Не знаю почему, но отец Ядвиги лелеял надежду женить меня на своей милой дочери. От одной только мысли созерцать обнаженную Ядвигу в своей постели вызывали у меня понос...

– Ян, посмотри, волосы сидят нормально?

– Отлично, мама.

Наконец Барбара отрывается от трюмо, купленного на распродаже еще лет сорок назад, берет свой клатч, и мы не спеша выходим из дома. Я помогаю ей сесть в машину, затем плю-

хаюсь рядом, нажимаю на педаль газа, и мы трогаемся с места. Я разгоняю машину до пятидесяти километров в час – на большее эта старая колымага не способна.

– Ян, сынок, – обращается ко мне мама, – веди чуть медленнее. Ты же знаешь, я боюсь больших скоростей.

Я киваю головой и снижаю скорость до тридцати. Барбара облегченно вздыхает и начинает пересказывать мне последние сплетни.

– Мам, – прерываю я ее, – почему ты нарекла меня Яном?

Барбара замолкает на минуту и затем удивленно говорит:

– Это имя носил твой дед – мой отец.

– Я знаю, – отвечаю я. – Но это было его имя, а меня-то, зачем так называли?

Барбара тут же пытается донести до меня, что дед всей своей жизнью заслужил, чтобы его имя продолжало жить в потомках...

Дед умер, когда мне было лет семь. Но я отлично помню этого хмурого и вечно чем-то недовольного старика, постоянно бубнившего что-то себе под нос и срывавшегося на крик, если ему что-то не нравилось. Когда он находился дома, все ходили на цыпочках и разговаривали шепотом, чтобы, не дай бог, не потревожить Яна-старшего. Он хорошо зарабатывал, но при этом был жутким скупердям. Каждую неделю дед выделял на хозяйство гроши, и бабушке приходилось придумывать массу способов, чтобы из этих денег откладывать хоть что-нибудь на «черный день». В отличие от деда, бабушка была веселой и очень доброй женщиной. Я ее очень любил и не понимал, что такого она когда-то смогла разглядеть в деде, чтобы связать с ним свою жизнь.

Насколько я знаю, во время войны, будучи еще молодым человеком, дед, получив повестку в армию, быстро побросал все свое скудное имущество в небольшой чемоданчик и, купив билет на корабль, смотался из Польши в Америку. По дороге, которая заняла целый месяц, у него закончились деньги, и ему пришлось даже подворовывать еду, где придется. Добравшись до конечной цели, он обосновался в Нью-Йорке, устроился подмастерьем в часовую мастерскую, которую держал тоже выходец из Польши, и через пару лет женился на Анне, его дочери. У них родились три девочки: моя мать и две ее сестры-близняшки – Тереза и Моника. После смерти тестя дед унаследовал мастерскую, в которой продолжал трудиться до тех пор, пока не был похоронен на одном из кладбищ Нью-Йорка. Бабушка пережила мужа на два года, после чего упокоилась рядом с ним...

– Мне кажется, – говорю я, – что вся моя жизнь не складывается из-за того, что я ношу не свое имя. Оно мне не подходит... Почему ты не назвала меня в честь своего мужа? У него красивое, громкое и старинное имя...

Отца звали Гордон МакБин, и он был родом из Шотландии. После окончания «Полицейской Академии» в Северной Калифорнии ему предложили работу в Вашингтоне. Недолго думая, мои родители переехали в столицу, а спустя пару лет в этот несколько скучный, на мой взгляд, город переехали и мои тетки. Здесь они познакомились с двумя братьями-близнецами – Марекком и Адамом Вуйчик и выскочили за них замуж...

Мы подъезжаем к дому, в котором живет любимая маникюрша матери. Пока та будет «чистить Барбаре перышки», мне нужно успеть смотаться в супермаркет, химчистку и на почту.

Прикупив в супермаркете кое-что к традиционному воскресному обеду с обожаемым семейством, и забрав из химчистки мамин плащ и мой единственный костюм, я устремляюсь на почту, где отправляю несколько писем каким-то далеким родственникам в Варшаву, Закопане и Познань. На сдачу мне всучивают билет от какой-то лотереи и я, сунув его в задний карман джинсов, отправляюсь за матерью...

Почти каждое воскресенье, ближе к вечеру, наш дом наполняется гостями. Женщины возятся на кухне, а мужчины, развалившись в креслах и на диванах, постепенно накачиваются виски или пивом. Не пьют только двое: я, потому что не переношу запах спиртного; и муж тети Терезы – Марек Вуйчик. Будучи католическим священником, он во всем придерживается строгих правил. Меня всегда подмывало спросить Барбару, почему у ее сестры нет детей, но впрочем останавливался.

Муж тети Моника – Адам Вуйчик, работает автомехаником и любит выпить. Вот и сейчас под новостной канал он нажирается какой-то алкогольной дрянью с моим босом Кшиштофом Шиманьским. Меня не радует лишней раз лицезреть пана Шиманьского, но я ничего не могу поделать – он жених Катарина – дочери Моника и Адама, и, разумеется, вхож в наш дом. Это Катарины пристроила меня в его забегаловку, обещая баснословную зарплату, а со временем и потрясающую карьеру.

Наконец, Барбара приглашает всех к столу, который ломится под тяжестью блюд. Чего здесь только нет: и жареная курочка, и карп под сметанным соусом, и картофельное пюре, и вареная фасоль. Я уже не говорю о салате из китайской капусты и мясном пироге. Быстро положив себе в тарелку пюре с салатом, я нацеливаюсь на куриные бедрышки. Выбрав себе кусок поподжаристей, я помещаю его поверх пюре и обильно поливаю майонезным соусом. Не дожидаясь остальных, я приступаю к трапезе. Безумно вкусно!

Не знаю как у других, но в нашем с Барбарой доме гости за столом не умолкают ни на минуту: кто-то рассказывает о последних покупках; кто-то о фильме, просмотренном буквально накануне; а кто-то рассуждает о здоровом образе жизни.

Когда с едой покончено, женщины суетливо убирают со стола грязную посуду, а Кшиштоф, ослабив ремень на брюках, плюхается в кресло и включает телевизор. Поцелкав кнопками пульта, он останавливается на одном из кабельных каналов и закуривает сигарету. К нему присоединяется Адам. Усевшись в соседнее кресло, он наливает себе немного виски и, вынув из предложенной пачки сигарету, закуривает тоже. В этот момент хорошенькая дикторша, сверкая белоснежными зубами, сообщает о розыгрыше лотереи, джекпот которой составляет четыреста двадцать миллионов долларов.

– Дорогой! – слышу я голос матери. – У тебя, кажется, есть билет. Ты мне сам вчера рассказывал...

– Стоит проверить, – поддерживает ее Адам.

– Да я даже не помню, куда его сунул, – отвечаю я, ковыряясь вилкой в куске пирога. –

К тому же вряд ли он что-нибудь выиграл.

Адам явно вошел в азарт:

– Не ленись! Тащи сюда билет!

– Все это от дьявола, – поджав губы, выдает его брат – священник Марек, – а вы все его слуги.

Тетя Тереза, закатив глаза, чуть ли не стонет:

– Только не начинай...

– И правда, Ян, найди билет, – мать укоризненно смотрит на меня, словно говоря: «Давай повеселим наших очаровательных гостей, и, когда все поймут, что твой билет ничего не выиграл, это будет для всех настоящим подарком и поводом для новых шуточек».

Бросив вилку на стол, я поднимаюсь. Катарины, ухмыляясь, наливает себе из графина водки и, подмигнув мне, обращается к отцу:

– Папа, запиши выигрышные числа.

– Обязательно! – обещает Адам.

– Сделайте потише! – стараясь перекрыть громкий звук телевизора, морщится Барбара. – Здесь нет глухих!

«Поиски» билета занимают минут тридцать, хотя на самом деле я прекрасно знаю, где он лежит. Еще вчера я положил его на стол. Не скрою, мне очень хочется, чтобы он выиграл.

Понимая, что пора возвращаться к гостям, я спускаюсь вниз. На столе уже поменяли посуду, и теперь мясной пирог, окруженный маленькими хрустальными вазочками с шоколадными конфетами, стоит посередине стола. Шумит, закипая, расписной электрический самовар – чей-то подарок Барбаре из России.

Я бросаю билет на стол и сажусь на свое место. Как раз начинаются новости. О том, что кто-то сорвал джекпот, объявляют сразу. Адам быстро записывает цифры выигрыша на куске газеты и, убрав звук телевизора, начинает выкрикивать выпавшие номера. Барбара, схватив билет, проверяет цифры, стараясь всячески подражать ему и считая, что это станет замечательной кульминацией вечера.

– Семь! – громко выкрикивает Адам.

– Есть такая цифра! – так же громко отвечает ему мама.

– Сорок!

– И такая есть!

– Семнадцать!

– И у нас семнадцать!

– Тридцать два!

– Есть тридцать два!

– Три!

– Да!

– Двадцать два!

У моей матери белеет лицо.

– Двадцать два! – еще раз повторяет Адам.

– Двадцать два, – тихо, почти шепотом, говорит мама и, прижав билет к груди, смотрит на меня. – Сыночек, кажется, ты выиграл больше четырехсот миллионов...

В комнате повисает гробовая тишина.

– Ян, – зовет меня мама, – ты меня слышишь?

– Слышу, – спокойно отвечаю я, продолжая доедать свой кусок пирога.

– И это все? – мама в недоумении моргает несколько раз.

Отодвинув в сторону тарелку, я смотрю на нее:

– А что ты хочешь увидеть? Как я скачу до потолка и истошно ору?

Поднявшись, я подхожу к ней:

– Если ты хочешь увидеть хоть какую-то реакцию, то, для начала, верни билет.

Трясущимися руками она протягивает мне билет. Я забираю его и, кивнув всем на прощание, поднимаюсь к себе в комнату...

На следующий день, проснувшись рано утром, я привожу себя в порядок и отправляюсь на работу. В четверть восьмого я уже расхаживаю по тротуару в костюме цыпленка и раздаю флаеры прохожим. Около девяти ко мне подходит Катарина.

– Привет! – говорит она, стараясь не смотреть мне в глаза. – Кшиштоф просит тебя зайти к нему в офис.

– Хорошо, – отвечаю я, всучивая флаер проходящему мимо меня подростку. – Скажи ему, что часа через два подойду.

– Он ждет сейчас. Ничего не случится, если кто-то не получит скидку.

Зная, как Кшиштоф трясется за каждого посетителя, я удивлен, но, в конце концов, он – босс. Стянув с себя голову цыпленка, я без особого энтузиазма направляюсь в офис.

Видя, что Кшиштоф болтает с кем-то по телефону, я в своем костюме с трудом усаживаюсь на табурет и жду. Заметив меня, жених Катарины быстро заканчивает свой разговор и, не поднимаясь со стула, восклицает:

– Ян, дружище! Мне вчера в голову пришла великолепная идея! Почему бы нам с тобой не стать партнерами? Ты парень умный, с головой дружишь. Тебе реально подфартило, и ты стал миллионером. Причем – ого-го! – каким миллионером! Мы сделаем сеть ресторанов. Твои деньги, мой опыт и название! Как ты на это смотришь?

Почесывая одной ногой другую, я говорю:

– Босс, я пока на это никак не смотрю. Деньги мне еще не принадлежат.

– Когда ты займешься этим вопросом?

– Если отпустите, то прямо сейчас.

Сжав пальцы в кулаки, Кшиштоф со всей силы бьет ими по столу:

– Свободен! Как только уладишь все денежные вопросы, мы встретимся и обговорим все детали. Я знал, что ты не упустить этот шанс.

– А как же цыпленок? – интересуюсь я.

– Брось, мы сегодня же найдем другого.

Я не возражаю. Избавившись от ненавистного мне костюма, я тут же еду домой. Там, вынув из холодильника кусок вчерашнего пирога, я сажусь перед телевизором и, включив его, погружаюсь в жизнь очередного сериала.

Пока я тупо смотрю какой-то канал, Барбара все время вертится рядом: пылесосит, вытирает пыль, разговаривает с кем-то по телефону. Ближе к вечеру она не выдерживает:

– Сынок, ты собираешься получать деньги?

– А что?

– Ян...

И тут я подскакиваю как ужаленный. В два прыжка я оказываюсь около матери и, схватив ее за плечи, начинаю яростно трясти:

– Сколько можно тебя просить, зови меня Гордон или никак не зови!

В какой-то момент она бледнеет и я, остановившись, закрываю свое лицо руками – мне становится очень стыдно. Барбара осторожно гладит меня по плечу и я, уткнувшись в ее шею, всхлипываю:

– Прости меня, мама! Я не хотел. Я сорвался. Я не знаю, что со мной.

– Ничего, сынок. Я все понимаю. Такие деньги... Это стресс. Пойдем, я покормлю тебя грибным супом.

Всхлипнув еще пару раз, я покорно слеую за ней на кухню...

Что ни говори, а мама готовит удивительно вкусно. Доедая вторую тарелку супа, я спрашиваю ее:

– Хочешь, я куплю тебе ресторан?

– Зачем? – удивляется она.

– Будешь в нем принимать своих друзей, знакомиться с новыми людьми...

Мама садится напротив меня и, подперев кулачком щеку, спрашивает:

– А чем будешь заниматься ты?

– Отправлюсь путешествовать, – отодвигая пустую тарелку, отвечаю я. – Или ты против?

Мама вздыхает:

– Нет, не против.

Потянувшись, я говорю:

– Вот и хорошо. Завтра полечу в Нью-Йорк, а когда вернусь, мы займемся твоим рестораном.

– В Нью-Йорк? Зачем тебе в Нью-Йорк?

– Там находится офис лотереи.

– Сынок, а можно...

Она не успевает договорить – раздается телефонный звонок.

Вынув из передника телефонную трубку, она подносит ее к уху:

– Алло... Ах, Марек, как я рада тебя слышать. Яна?... Конечно, можно.

Барбара протягивает мне трубку, и я слышу в ней голос нашего праведника:

– Здравствуй, Ян. У меня к тебе большая просьба. Не мог бы ты пожертвовать нашему собору небольшую сумму на реконструкцию и восстановление крыши? Я был бы тебе крайне признателен. А еще лучше, если бы ты пожертвовал и на ремонт самого костёла.

– О какой сумме идет речь?

– Думаю, миллионов пять будет достаточно.

Каков святоша! Значит, теперь я – не слуга дьявола, и деньги эти, видать, сразу приобрели статус святости.

Правда, вслух я произношу:

– Конечно, я помогу починить крышу.

Передав трубку маме и подмигнув ей, я ухожу в свою комнату.

В последующие четыре часа телефон не умолкает. Создается впечатление, что о моем выигрыше узнала не только польская диаспора, но и вся Польша. Я осознанно не подхожу к телефону, и на все звонки приходится отвечать Барбаре. А на другом конце трубки просят, требуют, умоляют: подарить, одолжить или ссудить деньгами. Но всех переплонула некая Рыся из Варшавы. Дозвонившись, она заявляет, что мы должны ей и ее сыну Войцеку – ни много ни мало – сто миллионов долларов. Видите ли, мой дед, до того как удрать в Америку, встречался с ее матерью и, якобы, она является его дочерью. На вопрос Барбары: «Причем здесь лотерея?», та нагло заявляет, что если бы тогда дед забрал с собой ее мать, то в лотерею обязательно выиграл бы ее Войчек. После этого звонка мать отключает телефон...

Утром, за завтраком, Барбара сообщает, что летит вместе со мной. Уже в самолете она вдруг признается:

– Я всегда думала, что близкие люди – это крепость и опора в любой ситуации. Только, к сожалению, когда тебе улыбнулась удача, зависть не дает им возможность просто порадоваться за тебя. Ты не представляешь, что мне пришлось выслушать за минувшие сутки от тех, кого я считала близкими и надежными друзьями. Стоило тебе выиграть такие деньги, как все стали смотреть на нас волками или как на личный банковский счет.

– Не расстраивайся. Все будет хорошо! Ты лучше скажи, зачем ты летишь в Нью-Йорк?

– Мне никогда не нравился Вашингтон. Я жила в нем только из-за твоего отца. Когда он покинул этот мир, я хотела вернуться обратно, но сестры уговорили меня никуда не уезжать. Только теперь я хочу жить там, где мне всегда было хорошо. Знаешь, в Нью-Йорке у меня осталось много знакомых. Все эти годы я поддерживала с ними связь. Только ты ресторан не покупай. Лучше подари мне маленький книжный магазинчик, где я буду проводить литературные чтения, приглашать авторов и просто общаться с покупателями.

Я, погладив ее по голове, целую в висок:

– Как скажешь, мама...

Вот так, за какие-то пять минут, полностью изменилась моя жизнь. И виной всему стал навязанный мне лотерейный билет. Впрочем, почему навязанный? А если это рука Провидения? Неужели я не заслужил?

Знаете, я редко выхожу из себя, не склонен к конфликтам, бываю вялым и безразличным к окружающим. Однажды мне кто-то намекнул, что я беден эмоционально и склонен к выполнению только однообразно-привычных действий.

Не знаю, что считают другие, но как по мне – лучше плыть по течению, а не лезть на баррикады, отстаивая свою точку зрения. Надо просто существовать, что, впрочем, и делает большинство на этой планете. И конечно то, что произошло со мной дальше, никак не вписывалось в круг моих интересов.

И если раньше моя жизнь напоминала заунывную мелодию, которую исполняет любительский оркестр, не попадающий ни в одну ноту, то теперь невидимый дирижер, взмахом своей палочки, заставил этот оркестр ничемной жизни играть по нотам...

С тех пор как мы с матерью посетили Нью-Йорк, прошло несколько месяцев. Я предпочел получить деньги сразу и за вычетом приличного процента и налога мне выдали чек почти на сто семьдесят миллионов.

Познакомившись в интернете с агентом по недвижимости, я попросил его подыскать мне что-нибудь в Нью-Йорке. Спустя месяц он прислал великолепное предложение по двухэтажному таунхаусу в Гринвич-Виллидж.

К этому времени мы с матерью, не сказав родственникам, продали дом одной милой паре с детьми, и Барбара, забрав из дома часть вещей, которые ей были дороги, остальные передала в благотворительный фонд для малоимущих. Разумеется, я не стал связываться со своим боссом, хотя он несколько раз звонил мне. Позже до меня дошли слухи, что он развел бурную деятельность по расширению своего бизнеса. Поговорив со специалистами и выяснив, сколько может стоить починка крыши костёла, я послал Мареку чек на несколько тысяч. В конце концов, я не обещал ему подарить деньги на ремонт костела.

Покончив со всеми делами, мы с мамой вылетели в Нью-Йорк. Весь полет Барбара нервничала, так как до последнего сомневалась в выборе района, но увидав из окна такси спокойствие узких улочек; небольшие элегантные скверы и сады; кирпичные многоэтажные и не очень дома; уникальную архитектуру таунхаусов, она успокоилась. Только в этом районе можно было одновременно находиться и в Нью-Йорке, и в небольшом европейском городке. К тому моменту, когда такси остановилось по указанному адресу, Барбара успела влюбиться в Гринвич-Виллидж.

Сам дом оказался в отличном состоянии и не требовал дополнительного ремонта. Мне потребовалось три месяца, чтобы обустроить первый этаж под книжный магазин и, когда все было сделано, я, несмотря на возражения Барбары, положил на ее счет приличную сумму. Теперь мне оставалось решить, когда я отправлюсь в кругосветное путешествие.

Следующие два месяца, почти каждый день, я уверял самого себя, что завтра или на худой конец послезавтра, смогу осуществить свое желание. Но проходил день, другой, неделя, а я, как и прежде: сижу дома, смотрю сериалы и ничего больше не делаю. Даже лишние килограммы, которыми я обзавелся в рекордные сроки, абсолютно меня не беспокоят. В промежутках между сериалами я упорно совершаю набеги на холодильник или наблюдаю за тем, как мама активно занимается своим маленьким бизнесом. В отличие от меня, она знает, что делать. Буквально за месяц ее магазинчик приобретает популярность. В нем постоянно устраиваются встречи с писателями, начинающими музыкантами и проводятся выставки молодых художников.

У нас поселяются две кошки, которые ни во что меня не ставят. Как и прежде, я одинок и меня не интересует даже Интернет...

И вот тут, я подхожу к самому главному: навязчивому желанию мамы познакомить меня с молодыми женщинами. Предприняв несколько попыток, которые так ни к чему и не привели, она, махнув на меня рукой, приняла ухаживания отставного военного.

Знаете, когда они начинают вести себя как подростки, я, глядя на них, впадаю в хандру...

В один из дней, стоя на кухне в одних трусах и почесывая рукой дряблый живот, ухажер Барбары, дожидаясь пока сварится его кофе, предложил мне:

– Слушай, а почему бы тебе не смотаться в Монтану?

– Зачем?

– Там есть «Национальный заповедник Галлатин». Проведи на природе пару недель. Не понравится – уедешь. Тем более у них там скоро начнется отстрел бракованных особей.

– Что значит бракованных?

– Тех, кто болен или начинают вредить сельскохозяйственным угодьям. Или их слишком много развелось. Короче, я не специалист, но знаю, что их мясо идет на пропитание животных в цирках или зоопарках. Что-то уходит на медицинские исследования. Я уже не говорю об их шкурах.

– И много там зверья обитает?

– Барсы встречаются, медведи-гризли, снежные козы, олени, волки. Еще есть рыба.

Не могу сказать, что мне безумно хочется куда-либо ехать, но я все равно задаю следующий вопрос:

– Предположим, я туда поехал. Что мне там делать? Стрелять я не умею и мне как-то не по себе видеть, как убивают животных, даже если они и дикие.

– Да туда стоит попасть только из-за одной природы! Ты себе представить не можешь, какие там: сосны, луга, грязевые источники. Красота!

– А жить где? В палатке?

– Как сам захочешь. Туда приезжает разная публика. Есть среди них и любители палаток. Но большинство живут либо в трейлерах, либо в небольших гостиницах. Там много поселений.

Сняв турку с плиты, ухажер Барбары осторожно переливает ароматный напиток в чашку и, поднеся ее к губам, делает маленький глоток. Издав урчаще-крякающий звук, он продолжает:

– Но у меня предложение лучше. Рядом с заповедником, недалеко от местечка Прей, на берегу озера стоит дом. Он принадлежит сыну моего друга. Его зовут Рон. Этот парень сделал из дома гостиницу и время от времени, когда есть желание, водит своих гостей по удивительным местам заповедника. Сознаюсь, я с ним уже поговорил. Он будет рад тебя видеть. Поживи у него. Несколько дней на природе – и ты станешь другим человеком...

Через неделю я уже мчался по трассе 90 в сторону заповедника. Пейзажи, пролетавшие мимо меня, общение с людьми в мотелях и в маленьких закусочных при заправках, постепенно улучшили мое настроение.

Практически перед самым поворотом на озеро раздался звонок:

– Э-э... Ян?

– Да, это я. Но лучше зовите меня Гордон.

– Это Рон. Вы как раз едете ко мне.

– Привет, Рон. Я буду у вас в пределах 15 минут.

– Хорошо, что я успел дозвониться. Притормозите, а то сигнал может прерваться.

Я остановился, а Рон продолжил:

– Так случилось, что я неудачно упал и сейчас нахожусь в больнице со сломанной лодыжкой.

– Сожалею, Рон. Я могу быть вам полезен?

– Нет. Я появлюсь в гостинице только через несколько дней, но вы располагайтесь, отдыхайте. Одним словом – чувствуйте себя, как дома. Пэм, что управляет моей гостиницей, ждет вас. Я договорился со своим коллегой из Прей – он сможет стать вашим личным инструктором. Его зовут Клиф. Я скину его номер телефона.

– Спасибо, Рон. Выздоровливайте!

Отключив телефон, я почувствовал, как мое настроение упало до нуля. Одно дело, когда ты едешь куда-то, зная, что с тобой будут «нянчиться»; и совсем другое, когда выясняется, что

ты предоставлен самому себе. С тем же успехом я мог бы оставаться дома, изнывая от скуки или лежать в какой-нибудь клинике для душевнобольных.

Конечно, неплохо было бы пожить немного в доме Рона, полазить по горам под присмотром инструктора, но я настолько обленился, что для меня пройти лишние пару метров означало совершить героический поступок. О каких горах может идти речь?

Пока я размышлял над своим положением, небо заволочило тучами, вокруг все потемнело, и поднялся сильный ветер. Ощущая, как под его порывами начала покачиваться тяжелая машина, я, поевшись, понял, что переждать непогоду в доме Рона будет самым правильным решением. Нажав на педаль газа, я тронулся с места.

Как только я повернул к озеру, начался жуткий ливень. Его косые струи, ударяясь о машину, брызгали во все стороны. Щетки с бешеной скоростью и скрипом елозили по запотевшему лобовому стеклу. Чтобы не ехать в тишине, я включил радио, но, кроме треска в радиоэфире, ничего другого слышно не было. Прошло минут десять, а ливень и не думал ослабевать. Судя по навигатору, дом Рона находился где-то рядом, и я, снизив скорость, попытался сквозь потоки воды разглядеть хоть какую-нибудь постройку. То ли от погоды, то ли от напряжения, у меня начала болеть голова и я готов был повеситься, лишь бы эта боль, пульсирующая в висках, куда-нибудь сгнула. Когда ливень закончился так же внезапно, как и начался, я заметил сквозь сосны мерцающий огонек. Повернув машину в его сторону, я вскоре увидел трехэтажный дом с плоской крышей...

Дверь мне открыла миловидная женщина лет сорока. Ее короткие светлые волосы были тщательно зачесаны назад. Немного посторонившись, она пригласила меня войти – и я, переступив порог, попал в очень уютный холл.

– Добрый вечер, – сказал я. – Вы Пэм?

– Да.

– Меня зовут Гордон. Вернее, я предпочитаю, чтобы меня звали Гордон, хотя по документам я – Ян МакБин. Рон пригласил меня погостить в его доме...

– Рон предупреждал, что вы должны приехать. К сожалению, он попал в больницу...

– Я знаю. Он звонил мне около часа назад.

– Ваша комната скоро будет готова.

– Спасибо.

– Это все ваши вещи? – спросила Пэм, разглядывая около моих ног большую дорожную сумку.

– Да.

– Наш служащий отнесет ее в вашу комнату. Могу ли я угостить вас горячим чаем?

– Не откажусь. Скажите, Пэм, у вас найдется что-нибудь от головной боли?

– Безусловно, – кивнув головой, ответила моя собеседница и скрылась за узкой дверью.

Я подошел к мягкому дивану и, усевшись на него, закрыл глаза. Вскоре вернулась Пэм. В руках она держала серебряный поднос. Поставив его на журнальный столик, женщина аккуратно придвинула ко мне чашку с чаем и блюдце с нарезанным лимоном. Затем она протянула мне бокал с водой и небольшую расписную коробочку.

– Прошу вас, – сказала она. – Это таблетки. Примите, вам станет легче.

Я так и сделал. Сунув в рот пару таблеток, я запил их водой.

– Чем еще могу быть вам полезна? – учтиво спросила меня Пэм.

– Пока все нормально, – ответил я, высыпая в чашку сахар из пакетика.

– Минут через пятнадцать комната будет готова, а пока наслаждайтесь чаем. Если что – зовите.

Улыбнувшись, женщина отошла к резному бюро, который, судя по всему, выполнял роль ресепшена.

Я огляделся. Холл занимал весь первый этаж и был разбит на зоны. В одной из них, напротив старинного камина, расположились мягкие кресла с невысоким, но длинным журнальным столиком между ними. В другой зоне стояла пара книжных шкафов, забитых книгами. Возле них красовались два игральные столика: один карточный, а второй для любителей шахмат. Еще в одной зоне, отгороженной от всех других шелковой ширмой с китайскими сюжетами, находилась столовая. Зона, в которой сидел я, была заставлена диванами. На окнах, кроме жалюзи, висели шторы из тяжелых разноцветных тканей, а стены были украшены гобеленовыми вставками и дешевыми репродукциями в широких позолоченных рамах. То здесь, то там на глаза попадались разнообразные фигурки и напольные вазы с искусственными цветами. Все это придавало отелю непринужденную домашнюю обстановку, хотя... по количеству абсолютно разных по стилю предметов в отдельно взятом помещении, все это чем-то напоминало один из блошиных рынков Нью-Йорка.

Отхлебнув из чашки, я повернул голову в сторону бюро и громко спросил:

– И много у вас постояльцев?

– Хватает, – перебирая бумаги, ответила мне Пэм.

– Здорово!

– Еще бы, – улыбнулась женщина и, сунув стопку счетов в один из ящиков бюро, спросила: – Как ваша головная боль?

Поставив чашку на блюдце, я ответил:

– Удивительно, но голова больше не болит.

– Я рада это слышать. Кстати, ваша комната готова. Если вы позволите, я провожу вас.

Она направилась к резной двери зеленоватого цвета, и я, поднявшись с дивана, последовал за ней. За дверью оказался самый настоящий лифт. В его не слишком просторной кабинке от силы могли поместиться только двое, и мне пришлось со всей силы прижаться к стенке, чтобы между мной и Пэм оставалось хоть какое-нибудь свободное пространство. Когда лифт, вздрогнув, медленно пополз вверх, я даже присвистнул от удивления – мне до последнего не верилось, что он сработает.

Моя комната находилась на втором этаже. Пэм, открыв ее, пропустила меня вперед.

– Надеюсь, вам у нас понравится, – сказала она. – Завтрак мы подаем с восьми до десяти утра. Обед с шести до восьми вечера. За дополнительную плату кухарка может приготовить для вас ланч. Доброй ночи и крепких снов...

Сунув мне в руку старинный ключ, она закрыла за собой дверь, оставив меня в небольшой и немного вытянутой комнате, больше напоминавшей вместительную кладовку. Я до сих пор не могу понять, как в ней смогли уместиться широкая софа и миниатюрная консоль, над которой висела картина, больше напоминавшая мазню пятилетнего ребенка. Заметив около стенного шкафа свою сумку, я было потянулся к ней, но в этот момент раздался стук.

– Войдите! – громко сказал я.

Дверь распахнулась, и в комнату вплыла невысокая и толстая чернокожая женщина лет шестидесяти в длинном темном платье, цветастом переднике и таком же тюрбане на голове. На ее ногах красовались мягкие домашние тапочки. Она катила перед собой старинную сервировочную тележку, на верхней полке которой стоял поднос с чаем, а на нижней лежали полотенца и постельное белье.

– А вот и Лу к вам пожаловала, – низким голосом пропела она. – Сэр, как я рада, что вы у нас остановились. Позвольте, я заправлю вам постель.

Я послушно пропустил ее к софе. Сначала Лу поставила на консоль поднос, а затем, вынув из стопки полотенца и махровый халат, поплыла в ванную:

– Вам у нас понравится, – бросила она на ходу.

– Вы здесь убираетесь? – спросил я ее, чтобы поддержать беседу.

– Нет, – промурлыкала она, выходя из ванной. – Кэт, что занимается комнатами гостей, приболела, вот я и вынуждена ее подменить. Я – кухарка. Но мне Мэри помогает.

– А кто такая Мэри? – решил уточнить я.

– Сестра Кэт. Она тоже убирает, стирает, гладит, овощи выращивает... Мы едим только свои овощи. У фермеров ничего не берем: они свои поля всякой гадостью поливают. А еще у нас свои куры и парочка козочек.

Лу принялась заправлять софу.

– Вы далеко отсюда живете? – поинтересовался я.

– В соседней пристройке, сэр, – натягивая на подушку наволочку, ответила женщина. – Это очень удобно. Не надо время на дорогу тратить, спать можно дольше... Я здесь уже тридцать лет. Начинала работать, когда еще прежний хозяин был жив. И муж мой Патрик здесь работает. Сестры лет десять назад появились, потом Пэм...

– А дети у вас есть?

– Конечно! – Лу бросила подушку на софу и повернулась ко мне лицом. – У нас с Патриком их двое. Сын и дочь. Они уже взрослые и у каждого свои семьи. Мы их иногда навещаем.

– А постояльцев сейчас много?

– Все комнаты заняты. Ну, теперь отдыхайте, набирайтесь сил.

Виляя толстыми бедрами, кухарка направилась к двери. Когда за ней закрылась дверь, я сел на софу и посмотрел на часы. Они показывали семь вечера. Я решил прилечь минут на пять, а потом спуститься вниз и что-нибудь перекусить. Но как только моя голова соприкоснулась с подушкой, я заснул...

Когда я открыл глаза, сквозь закрытые полоски жалюзи пробивались лучики яркого солнца. Я взглянул на часы – они показывали восемь утра. Спустив ноги на пол, я широко зевнул и, поднявшись, засеменял в ванную. Приняв душ и посмотрев на себя в зеркало, я подумал, что неплохо было бы побриться. Но тут меня одолела лень, и я, погладив щетину рукой, решил отпустить бороду. Переодевшись, я уже было собрался спуститься вниз, как мое внимание привлек листок бумаги, лежавший около двери. Подняв его, я прочитал: «Новенький, будь осторожен!» Повертев записку в руках, я пожал плечами и, сунув ее в карман джинсов, спустился вниз. Несмотря на ширму с китайской тематикой, обеденная зона была выдержана в деревенском стиле: старинный резной буфет, комод, пара кресел, радиола 60-х годов и длинный овальный стол, покрытый белоснежной скатертью. За столом уже сидели: пожилая пара и молодая женщина.

Поздоровавшись, я сел на один из стульев. Вскоре ко мне подошла довольно худая и высокая женщина лет тридцати. Ее темные волосы были заплетены в косу и уложены вокруг головы. Ярко-синие глаза подчеркивали загар.

– Доброе утро, сэр. Меня зовут Мэри, – представилась она. – Что вы желаете на завтрак? У нас есть: яйца всмятку, омлет, молочная каша, творожная запеканка. На комодке вы найдете: булочки, сыр, ветчину и напитки.

Немного подумав, я ответил:

– Запеканка подойдет.

Улыбнувшись своим соседям по столу, я поднялся и направился к длинному комоду. На его поверхности стояли бокалы с апельсиновым соком, кофемашина и термопот. Рядом на подносах лежали булочки и нарезанные сыр и ветчина. Я взял небольшую тарелку, положил на нее булочку и кусочек сыра. Немного подумав, я прихватил бокал с соком и вернулся на свое место. Минут через пять принесли мой завтрак, и я с жадностью принялся за еду. Запеканка была невероятно вкусная и просто таяла во рту.

– В этом доме вкусно готовят, не правда ли? – услышал я женский голос.

Взглянув на сидящую напротив меня женщину, чьи короткие рыжеватые волосы были схвачены заколками в нескольких местах, я на всякий случай спросил:

– Вы меня спрашиваете?

– Да, – подтвердила она.

– Не могу утверждать с полной уверенностью – это моя первая трапеза в этом доме, но запеканка, действительно, великолепна.

– Ты надолго сюда приехал?

– Пока не знаю, – ответил я, прикидывая, сколько ей лет. – А мы давно на «ты»?

– Меня зовут Минди, – очищая яйцо, ответила моя собеседница. – А тебя?

– Гордон, – ответил я.

– Хочешь чай, Гордон? – спросила Минди, поднимаясь из-за стола.

– Пожалуй, – ответил я. – Черный.

Она кивнула головой и посмотрела на пожилую пару:

– А вы что будете? – спросила она.

– Мы тоже чай, дорогая, – ответила женщина и улыбнулась мне. – Позвольте представиться. Меня зовут Молли Самерс, а моего спутника и мужа Мэт Самерс.

– Очень приятно, – выдал я из себя. – Гордон МакБин.

– Откуда вы приехали, мистер МакБин?

– Из Нью-Йорка, – ответил я, наблюдая за тем, как Минди разливает по чашкам ароматный чай.

– Вы по делам или отдохнуть? – спросила пожилая женщина.

– Отдохнуть.

Пока мы пили чай, разговор сначала зашел о погоде, затем мы поболтали о книгах и еще о какой-то ерунде. Когда к столу начали подтягиваться другие постояльцы, я решил прогуляться. Промокнув рот салфеткой, я поднялся и, пожелав всем приятного дня, вышел на террасу...

Воздух был наполнен запахами хвойного леса, и, прежде чем сбежать вниз по деревянным ступеням лестницы, я сделал несколько глубоких вдохов. У меня тут же закружилась голова и, вцепившись в перила, я осторожно спустился с террасы. Около нее, на небольшой лужайке с сочной зеленой травой, паслись козы. Между ними сновали курицы и два петуха. Вся это компания придавала дому некое умиротворение.

Впереди, в каких-то ста метрах от дома раскинулось огромное озеро, и под пение птиц я двинулся в его сторону.

Приблизившись к самой кромке воды, я остановился. Не будучи экспертом в области химии я вряд ли смогу определить, какие элементы периодической таблицы были растворены в озере, но лиловый цвет ее воды поражал воображение. Что-то неестественно красивое и одновременно пугающее было в этом водном пространстве. Чтобы отогнать от себя это ощущение, я перевел взгляд на горы, видневшиеся за озером.

Постояв немного, я осмотрелся. Увидав по соседству несколько больших валунов, я, взгромоздившись на один из них, позвонил матери, и мы с ней немного поболтали. Закончив разговор, я подставил лицо теплему майскому солнцу и задремал. Не знаю, сколько времени я провел на валуне, но из дремы меня вывел мужской голос:

– Будьте осторожны, здесь водятся ядовитые змеи.

Вздрогнув от неожиданности, я повернул голову и увидел Мэта, с которым завтракал утром. Он был одет в черную футболку, заправленную в длинные до колен шорты песочного цвета. На ногах у него красовались кеды, а на голове – бейсболка с надписью: «Республиканская партия». Рядом с ним стояла Минди и держала в руке леденец на длинной палочке.

Я медленно слез с валуна и спросил:

– Смотрю, вы тоже решили прогуляться?

– Не совсем так, – ответил Мэт. – Вы любите рыбалку?

– Не особо.

– А жаль. Здесь водится отменная форель и карп. Иногда лосось попадается.

– Простите, сэр, но какая в этом месте может быть рыбалка? Вас не смущает странный цвет воды?

Заложив руки за спину, Мэт произнес:

– Во-первых, я рыбачу в речке, что протекает чуть дальше; во-вторых – нет, не смущает.

По всей видимости, в озере имеются несколько субстанций, которые создают природный лакмус. Отсюда и цвет. Скажите, Гордон, вы раньше служили в армии?

– Никак нет, сэр, – ответил я. – Не приходилось.

– Плохо, – качая головой, пробурчал он. – Мужчина обязательно должен отслужить, хотя бы пару лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.